

II 398.843

Литикалье

ЛITERATURNO-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНЭХ

10

ОГИЗ
МОЛОТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Город бумаги и нефти

I

Строен и красив Молотовский речной вокзал, увенчанный синекрасным вымпелом ордена Ленина Камского пароходства! Мимо него, дворца голубой магистрали Урала, идёт небольшой жёлтенький буксир. Он тянет четырёхсотметровый плот — груз, для перевозки которого по суше потребовалось бы 16 железнодорожных эшелонов!

Спокойна и нетороплива Кама перед осенью.

Утреннее солнце растопило сизый туман, посеребрило вороную гладь реки. Веет свежим ветерком. Высоко вверх поднимаются дымы пароходов. Бисерные брызги, летящие из-под плиц пароходных колёс, играют всеми цветами радуги. Хорошо на Каме в эту пору!

На плотокараване оживление. Славщики бойко орудуют около ворота. С помощью лотов они управляют тяжеловесным возом еловой древесины.

Древесина для Краснокамска!

Вот он — город бумаги, нефти и электричества! С палубы буксира кажется, что он выплывает из-за зелёного полуострова, сначала трубами Закамской ТЭЦ, что зажаты высокими корпусами централи пара и электричества; потом мощными кабель-кранами лесной биржи бумкомбината; наконец, небоскрёбным зданием варочного цеха, соразмерности которого подобны спичечной коробке, поставленной на торец. Рядом с ним — цилиндрические турмы, которые напоминают гигантские свитки папируса — символ бумагоделания.

И нефтяные вышки — справа, слева, в городе и за городом.

Под кабель кранами непомерно длинные многорядные штабели брёвен. К штабелям примыкает исполинская жёлто-серая гряда «египетских пирамид», очищенных от коры метровых чурок древесины, — то, что зовут балансом. Чурки эти, падающие через стрелы стаккеров, кажутся спичками: так высоки эти кучи зимнего запаса древесины!

Тут всё стремится вверх.

Если подняться на одну из этих высот, то город представляется щетинистым, безграничным. Бумажный комбинат оброс цепью самых различных предприятий: тут и завод металлокеток, тут и нефтеперегонный завод, здесь и фабрики Гознака — бумажная и печатная, здесь и механические мастерские и мастерские электрооборудования. Есть у города и своя химия.

Посёлки разрознены. Ищешь центр города и не находишь. Рядом со столичным 205-квартирным домом стоят ещё жилые времянки.

На улицы и дома наброшена сеть высоковольтных, световых, телефонных и радиотрансляционных линий. Тут и самые совершенные опоры электрических воздушных кабелей, здесь и провода на изоляторах, крюки которых ввёрнуты в мачтовые живые сосны.

Город строится. В этом году утверждён генеральный план его завтра. Рисуется оно в самых радостных красках. И верится, что город будет величавее, чем на кальке архитекторов, как ныне стал мощнее и значимее, чем в планах его колыбельных лет.

II

Краснокамск в синезелёной кайме бора и реки. Лес отступает на север. На нефтяных промыслах всюду пеньки недавней порубки.

Старожилы говорят: «Когда-то здесь был безлюдный лесистый берег».

— Высадились мы, — рассказывают рабочие первой строительной партии, — и ступить было некуда — лес! Иногда, разве, пройдёт одинокий охотник, и снова полное безлюдье.

Когда утверждено было задание на строительство бумажного комбината, его границы определялись так: правый берег Камы близ города Перми, между деревнями Стрелкой и Конец-Бором, 12 километров от разъезда № 36 Пермской железной дороги.

До начала первой пятилетки здесь в самом деле ничего не было. Усиленное наступление на тайгу началось в 1932 году, в то самое «когда-то», о котором рассказывают теперь старожилы.

И вот угромый лес наполнился шумом людских голосов, стуком топоров и звоном пил. Вечерами в посёлке строителей забористо играла гармошка, слышались присвисты к залихватским пляскам, лились удалые русские народные песни. В единой, дружной семье соединились здесь уральские каменщики и лесорубы, саратовские землекопы и вятские плотники.

Расступилась природа, покоряясь воле сильных людей. Поновела Кама. Её берег украсился железом и бетоном. Расширился рабочий посёлок Камбумстрой, названный позднее — 20 июля 1933 года — крылатым именем Краснокамск.

Шёл бой, великий строительный бой! В воздвигавшихся белокаменных корпусах комбината сразу же началась деловая шумная жизнь: монтировались бумажные машины — первенцы отечественного производства; устанавливались резательные станки; обновлялись варочные котлы. Всё ощущимее и ощущимее становилось величие рождавшегося гиганта бумажно-целлюлозной промышленности СССР.

Складывался город бумаги, своеобразный и неповторимый, со всякого рода новшествами и глупостями, вроде архитектурной левизны, которая сказалась в постройке домов несуразной конструкции, презванных «аэропланами».

И быть бы Краснокамску городом одной только бумаги, если бы при бурении артезианского колодца не наткнулись на нефть. Нефть!

Необычное всегда ошеломляет.

— Какая там нефть, — рассуждали Фомы неверные. — Смазывали станок, разлили мазут, вот и всё.

Геологи, однако, встревожились.

— Нефть? На глубине 170 метров? Как же это мы прохлопали и дали согласие строить комбинат?

Из Свердловска, из объединения Востокнефть прибыл студент Уральского горного института. Взял он для исследования керн нефтесосной породы, налил две бутылки маслянистой густой жижи и ушёл. Шёл тот студент в пальто нараспашку, выставив вперёд грудь. Его пьянил запах нефти. Слабенький запах «чёрного золота» казался ему приятнее духов. Он шёл и мечтал. О чём? Никто не знает.

Нёс он с собой «мёртвую» нефть, то есть нефть непромышленного значения. Было это 15 августа 1934 года. Но молва о ней — о нефти — всё же распространилась, летела она быстрее радио.

На прикамских заводах находился в то время товарищ Орджоникидзе. Чрезвычайно заинтересовавшись открытием, он распорядился создать в Перми трест Камнефть и начать усиленную разведку месторождения. В Краснокамск двинулись поисковые геологические партии. Буры врезались в твёрдую таёжную подошву, на глубину 270—450 метров. Первые разведчики прокладывали тропы и дороги там, где не ступала до них нога человека.

В Краснокамск из Чусовских Городков, где перед тем была открыта первая уральская нефть, приехал буровой мастер Сергей Белов. Он заложил скважину Р-7. Техника была примитивна, люди неопытны — дело не шло на лад. Полтора года продолжалось неудачное бурение. Одновременно бурили, а потом забросили скважину № 3.

Снова появились Фомы неверные из неудачных теоретиков, снова заговорили о несерьёзности дела и отправили своих гонцов в Москву с донесением:

«Нефть не обнаружена, следует прекратить разведку».

А над бумажным комбинатом уже развевалось знамя возвещённой стройки. Задут уже был первый варочный котёл целлюлозного завода. Старый оберварщик Сиротин тщательно проверил, всё ли готово к выдувке котла. Варщики с нетерпением ждали минуты, когда на сцежах появится первая целлюлоза. И вот она пошла. Рабочие разглядывали её, пробовали на ощупь: целлюлоза ли?

29 января 1936 года получены были первые 20 тонн целлюлозы, а 3 февраля — первый рулон обёрточной бумаги. Месяцем позднее заработала первая бумажная скоростная машина, которая начала отливать белёную высококачественную бумагу.

Победа!

Камский бумажно-целлюлозный комбинат вступил в строй действующих предприятий.

А с нефтью как?

Буровая № 7 одиноко стояла в глухи тайги. Шептались сосны. Какие мысли навевали они мастеру Белову? В глухомани лежал снег. Им была засыпана и дорога, ведущая к деревянной вышке, — никто почти, кроме бурильщика да знакомого нам по 1932 году студента, сюда не заглядывал.

Студент к этому времени уже имел диплом инженера и руководил буровыми изыскательскими работами в Северокамске...

Северокамск? Такого географического пункта на карте пока нет. Название это бытует лишь на картах геологов. Это территория, где сейчас распространяется северокамское месторождение девонской нефти. Те места — деревня Стряпунята, река Гайва, — которые исхожены инженером, что называется, вдоль и поперёк.

Инженер навещал Сергея Белова, который продолжал бурение на свой риск. Ценой большого упорства он прогрыз скважину на глубину 950 метров.

Никто, пожалуй, так, как Белов и инженер, не верил в успех.

— До километра пробьюсь, — говорил мастер, — вскрою!..

И вскры! 2 апреля ударили фонтан!

«Нефть в Краснокамске. Собрано 10 тонн» — телеграфировали в Москву. Через два дня пришёл экстренный ответ: «Совещание у академика Губкина 4 апреля констатировало чрезвычайное значение открытия нефти в скважине № 7, определяющего перспективы разведки на всей территории к западу от Камы...»

Академик Губкин высказал мнение, что необходимо немедленно и широко развернуть бурение на Краснокамской структуре.

— Восточная нефтяная база, — заявил Губкин, — обогатилась новым мощным нефтяным месторождением. Не подлежит сомнению, что скважина № 7 даст при опробовании чрезвычайно благоприятные результаты. В Краснокамске следует заложить не менее 5—6 скважин...

Седьмая скважина стала выбрасывать по 30—35 тонн нефти в сутки.

Вспомнили о скважине № 3. Снова начали на ней работу и пробурили до километровой глубины. Скважина дала нефти ещё больше, чем седьмая, — по 40—50 тонн в сутки.

Победили и нефтяники!

Урал получил свою нефть, живую, да ещё какого невиданного качества: с удельным весом 0,843, не замерзающую при 40 градусах мороза, с небольшим количеством смол и серы!

Так 1936 год стал колыбельным годом Краснокамска, самого юного города Молотовской области.

III

Камский бумажный комбинат оборудован новейшей техникой, созданной большей частью на отечественных заводах. Ему нет равных в Европе!

Он рассчитан на годовую выработку такого количества бумаги, которой можно десять раз обернуть земной шар по экватору.

Высокий класс технической оснащённости сложнейшего производства, впитавшего в себя мировой опыт целлюлозно-бумажной промышленности, выразился, прежде всего, в том, что уже на четвёртом году краснокамские бумажники достигли проектной мощности комбината. В канун войны они превзошли сами себя. За первую половину 1941 года было выпущено столько продукции, сколько за весь предшествующий триумфальный год.

Как-то перед войной на целлюлозном заводе разорвало крылатку и разбило корпус экгаустера. Создалась угроза срыва работы. Где найти крылатку? Их изготовление в нашей стране не было освоено. Немецкая фирма «Шилле» бралась изготовить крылатку, но в очень большой срок, — набивала цену, заставляла идти на поклон.

Тогда группа инженеров и стахановцев комбината решила сделать эту сложную деталь своими силами. Люди горячо взялись за дело и в течение трёх месяцев сделали и установили первую отечественную крылатку экгаустера.

* * *

Между бумажниками и нефтяниками нет гласного соревнования. На деле оно, однако, существует. И не только существует, но и год от года разгорается всё ярче и ярче. Выражается оно в том, что и те и другие стремятся как можно больше прославить свой город. Трудно сказать, кто больше преуспевает в этом: бумажники или нефтяники. Бьются за честь города и те и другие поистине славно.

Кроме печатных и обёрточных сортов бумаги, как проектировалось вначале, комбинат на втором году эксплоатации стал вырабатывать писчую и тетрадную бумагу. На бумаге Краснокамска отпечатан первый выпуск «Краткого курса истории ВКП(б)». В войну здесь стали выпускать новые виды продукции. За военные годы, кроме главного — целлюлозы и бумаги, краснокамцы дали стране 186 миллионов тетрадей, 290 миллионов конвертов, около 20 миллионов кружков телеграфной ленты, много кровельного толя и специальных изоляционных плит.

Нефтепромыслы Краснокамска молоды, однако у коллектива нефтяников есть уже богатый опыт смелого решения технических и организационных проблем. За годы войны освоен и полностью внедрён самый передовой скоростной метод бурения — турбинный, и если в 1941 году турбинное бурение составляло всего лишь тринадцать процентов, то в 1944 году оно поднялось до 96. Роторное бурение уступило место совершенному — турбинному.

Турбинное бурение позволило разработать впервые во всём мире и внедрить в промышленных масштабах наклонно-направленное бурение турбобуром.

* * *

Нефтяникам подчас приходится решать чуть ли не парадоксы техники. В первые годы бурения они боролись с кривизной скважин, а через пять лет — за их кривизну.

Как ни бились они в своё время, но скважина № 25 отклонилась от своего направления на 40 градусов. Пришлось перебуривать.

Такая же участь постигла скважину № 34.

Как ни бились, неустойчивые долотья продолжали крошиться в твёрдых породах забоя. Как бы приложен ни был бурильщик у тормоза станка, роторная установка оставалась немощной. Ночи целые просиживали геологи за изучением кренов. Не знали покоя инженеры.

Не обошлось и без паникёров, трепетавших перед пресловутой крепостью уральских пород. Не обошлось и без того, что вновь появилась сданная, казалось бы, в архив «теория» нерентабельности краснокамской нефти.

Победило единение сильных. Всё разрешилось необычно просто утяжелили низ бурильного инструмента, установили там два расширителя, и кривизна скважин свелась к 1—2 градусам.

Буровики, окрылённые победой, смело врезались в землю на километровую глубину, вскрыли нефтеносные горизонты, расширили выявленную площадь залежи. Перебрались затем на левый берег Камы и извлекли из буровой № 18 нефть.

Опыт краснокамцев переняли и другие районы «Второго Баку».

Началась война. Она диктовала необходимость быстрого расширения промысла, материальные же ресурсы были скучными. На плане разработок оставалось много белых пятен. Нужно взять нефть из-под комбината, реки Камы, глубоких болот, жилых построек. Но как? Ответ напрашивался сам собой. Нацеливаться сбоку, бурить по кривой, туда, куда хочет человек.

Нефтяники знали американский способ наклонно-направленного бурения при помощи клиньев и других подобных приспособлений.

— Не подходит, — решили краснокамские нефтяники. — Американский метод слишком длителен для военного времени, и рассчитан он на отживающую технику роторного бурения.

Краснокамцы смотрели вперёд. В их руках было новое оружие: не роторное, а турбинное бурение. Вот что могло стать и стало основой новых технических держаний.

31 декабря, под новый 1943 год, бурильщики заложили первую наклонно-направленную скважину № 2-Н. Пробурили вертикально 550 метров.

— Ну, а теперь, — решили они, — мы заставим турбобур свернуть под рабочий посёлок.

Для набора кривизны применили бурильную трубу с кривизной 3 градуса 30 минут. Прошли 50 метров, замерили отклонение: один градус. Опыт не удался.

На глубине 600 метров была пущена шестидюймовая труба с толщиной стенки в 11 миллиметров. Изгиб трубы на этот раз был удвоен. Установили и более стойкое долото.

Искомое было найдено. Бурение скважины успешно завершено с отклонением на 106 метров. Смелый творческий полёт технической мысли плюс настойчивость в достижении цели дали победу мирового значения.

Не пошли краснокамцы на поклон к американцам. И больше того, — обогнали их!

Американцы около девяноста лет назад первые в мире пробурили нефтяную скажину.

Краснокамские нефтепромыслы юны по сравнению с американскими, как пионер по сравнению со столетним дедом. Ехать же на выучку придётся деду.

Кто же авторы нововведений, имеющих мировое значение?

IV

Бурильщик встал на педаль. Вздрогнул и с лёгким грохотом закружился массивный чугунный ротор. Из глубины скважины дошёлся скрежет проворачиваемых труб.

Минутой позже заработала лебёдка. Натянулись тросы шестиважного полиспаста, укреплённого наверху вышки. Заскрипели опоры.

На крюке вес двух тысяч девятисот метров шестидюймовых труб.

2900 метров! На Урале ещё не было столь глубоких скважин. Через триста-пятьсот метров долото уткнётся в кристаллический фундамент, в застывшую магму земного шара.

Буровой мастер Иван Ильич Черемных наблюдает за бурильщиком, который всей тяжестью своего тела налёт на тормоз станка.

Инструмент опускают на дно скважины особенно осторожно. Малейшая оплошность может вызвать аварию, которая дорогой обойдётся.

Под навесом затокал грязевой насос. Через квадратную штангу, по бурильным трубам, непосредственно к турбобуру устроился глинистый раствор. Под его давлением 97 турбинок, насаженных на вал турбобура, развили скорость в 730 оборотов в минуту. С такой же скоростью перекатывается по забою скважины трёхшарошечное долото.

— Глуб... же, глуб... же, — поёт долото на трёхкилометровой глубине. Черемных спокоен.

Бурят скважину открытым стволом, без обсадной колонны. Другой мастер не пошёл бы на это, но Иван Черемных уверен в успешном исходе дела. Он смел. Турбинному бурению он научился в Краснокамске. Пять лет назад правительство высоко оценило его старания, наградило орденом Трудового Красного Знамени.

Достойному — достойная награда!

Война прервала мирный труд. Черемных ушёл на фронт в рядах Уральского добровольческого танкового корпуса, воевал в составе десантной роты автоматчиков. После ранения вернулся в Краснокамск и снова встал за буровой станок. В конце марта 1946 года он собственноручно заложил буровую скважину № 191.

Товарищ Сталин поставил перед нефтяниками страны задачу — довести годовую добычу нефти через пятнадцать лет до 60 миллионов тонн. Правительство и лично товарищ Сталин указали пути к этой большой нефти. Это — разведка бурением специальных глубоких опорных скважин для выявления геологического строения недр. Буровая № 191 как раз и является такой скважиной.

Из окна кабинета главного инженера треста Краснокамск-нефть Степана Ивановича Аликина видны эта скважина, как и небдалеке от неё стоящая родонаучальница промысла — скважина № 7.

Теперь весь промысел на виду. Не только лес отступил, даже болота подсохли. «Бывало, — вспоминает Степан Иванович, — седьмую вижу, а чтоб дойти до неё, приходилось кружить до самой ТЭЦ».

В Степане Ивановиче нетрудно узнать того студента, который брал пробу первой нефти, того инженера бурения в Северокамске, который навещал бурового мастера Сергея Белова. Нет сейчас в Аликине той ярко выраженной мечтательности, которую вынес он из Уральского горного института и литературного кружка в Свердловске. Но зато в нём сильна теперь поэтическая любовь к своему большому, важному делу.

На столе его нет ни одной папки с делами, ничего, кроме листа бумаги, испещрённого множеством кратких пометок: что делать сейчас же, что через два-три часа, где побывать, какие отдать распоряжения. Он всегда на промыслах. Он живёт ими.

Телефонистки незримо следят за скачущим виллисом Аликина — от буровой к буровой, чтобы включить Степана Ивановича при вызовах непосредственно со скважин.

В рабочем экстазе он совсем иной, чем выглядит на газетных портретах. Широкий открытый лоб, свидетельствующий об уме учёного; пышная шевелюра русых волос, раскинутых надвое; широкие руки рабочего, — в правой то и дело бегает цветной карандаш, оставляя на бумаге красные и синие пометки.

В обращении с людьми крайне прост. Приказания отдаёт кратко и ясно. Услышит шутку — подхватит. Непрочь в свободную минуту рассказать весёлую историю.

В работе Степан Иванович любит большой размах.

— 196-я, — говорит он, — на глубине в 1700 метров девонской нефти не дала. Не вскрыли нефть. Загадка! В Северокамске есть, в Краснокамске нет. Значит, где-то между нефтеносными полями есть граница. Где она? Надо разведывать, разведывать...

— Что ожидается от силура? — спросили.

— 191-я покажет. Вблизи Кизела есть выходы силура с битумом, но простирается ли он до нас? Хочется верить в нефть, которая таится в недрах земли около четырёхсот миллионов лет.

Между седьмой и 191-й скважинами есть что-то общее. Последняя не менее загадочна, чем была первая.

В Краснокамске сотни инженеров самых различных специальностей. Степан Иванович Аликин среди них — в первом ряду. Недаром ему за разработку и внедрение наклонно-направленного бурения присуждена Сталинская премия. Это инженер смелого движения вперёд, большого порыва в работе.

Наклонно-направленное бурение турбобуром стало основным видом эксплоатационного бурения на краснокамских промыслах, и если при бурении скважины № 2-Н отклонение от вертикали 100—200 метровказалось пределом возможного, то при бурении следующих скважин было достигнуто отклонение уже почти в полкилометра. Создались условия для бурения кустовым способом. Из одной точки, с одной вышки — семь скважин: одна вертикальная, шесть наклонных! Сразу охватывается шестиугольник нефтяной залижи, периметр которого превышает два с половиной километра.

До Краснокамска такого не было нигде в мировой практике нефтяного дела!

Экономия на затратах исчисляется миллионами рублей. По первым сорока скважинам, включённым в 16 кустов, получена экономия больше трёх с половиной миллионов рублей.

Нефтяники Краснокамска поднялись к вершинам техники.

К вершинам техники идут на бумажном комбинате, коллектива которого осваивает новые сорта изделий; на фабриках Гознака, кстати, жалующихся, что краснокамская вода для них недостаточно чиста; на нефтеперегонном заводе, достигшем глубины отбора до 98 процентов, на ТЭЦ...

Закамская ТЭЦ уникальная в своём роде. Она комплексно разрешает две проблемы — даёт электроэнергию, а также снабжает паром предприятия Краснокамска. Здесь группа инженеров, на основе научных исследований вопроса о золовом износе труб, разработала способ реконструкции экономайзеров, что резко снижает стирание труб золой и исключает необходимость частых остановок котла.

Сделано много, нужно ещё больше.

На рейде появляются всё новые и новые караваны плотов. Со станции отходят вагоны с бумагой и цистерны с нефтью.

Город расширяется. Прекрасны четыре новых дома юнгородка бумажников. Нефтяники возвели ещё 42 индивидуальных домика. На одной из труб Закамской ТЭЦ свежа строительная дата «1946». Не снята ещё опалубка строительных лесов со многих зданий. А сколько предстоит ещё построить!

Принаряжается и прихорашивается один из уголков обновлённой Камы.

Новая Кама!

Не будет на её берегах необжитых мест. Её просторы и голубые дали, её воды служат советскому человеку.

В. Климов.